

КИНО

Кирилл Лавров:

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

Сложнее роль — дорожке успех

ТОЛЬКО что разгримировавшись, еще «не отойдя», «не остыв» от спектакля, Кирилл Юрьевич охотно соглашается с тем, что несправедливо это, когда артисту, утвердившему себя на киноэкране в ролях сугубо положительных наших современников, неохотно, а то и вовсе не дают возможность играть роли «отрицательные», ну, вот такие, как его Городничий.

— Хорошо, хоть в театре не так, — говорит он.

А потом, помолчав, подумав, как бы сам себе возражает:

— Вместе с тем понимаю, что киноискусство в силу особо присущего ему жизнеподобия в какой-то степени держится на стереотипах. Часто, слишком часто после первой же удачной роли возникает желание видеть артиста в одном-единственном, определенном амплуа. Зрительный зал, исчисляемый многими миллионами, хочет снова встретиться с тем своим современником, которого полюбил. Хочет. Порой даже требует. Постепенно мы, актеры, становимся зависимы от установившегося «шлейфа представлений». И режиссеры кино зачастую не решаются занимать нас в иных ролях. А уж о худсоветах я и не говорю. Они особо строги на этот счет. Вот и играет артист каждый раз вроде бы одно и то же.

Таких примеров актерских судеб сколько угодно. Кстати, не только у нас, но и в мировом кино. Амплуа артиста установилось раз и навсегда, ничего тут не изменишь, да и к чему менять? Такая она, объективно существующая реальность...

— Ну а что сами вы по этому поводу думаете? Ведь вы сказали, что это несправедливо по отношению к творческой индивидуальности...

— Да, несправедливо. Тут возникают «ножницы», которые нелегко преодолеть. Но многие артисты пытаются это сделать, и их попытки кончаются успехом. Я никогда как-то не говорил на эту тему с Михаилом Александровичем Ульяновым. Но вижу, как он, блистательный «положительный» герой в фильмах «Битва в пути», «Председатель» и многих других, всячески пытается уйти от установившейся схемы, нарушить ее, взорвать. О его последних ролях в фильме Н. Михалкова «Без свидетелей» и телефильме «Транзит» я только слышал, посмотреть мне их не удалось. Но я видел на телеэкране, как сыгран Ульяновым директор из вахтанговского спектакля «День-десневской». Здесь он не «положительный» и не «отрицательный». Человек, до конца преданный своему делу, но личность неоднозначная. Резкий, иногда грубый, в чем-то он даже неприятен с его странными манерами, нелепой походкой. Наверное, такое вот прочтение сложного человеческого характера и яркое его воплощение — это особенно ценно как для самого артиста, так и для зрителя.

К такому многообразию, многомерности, а вовсе не к каменно-застывшей «положительности» или «отрицательности», конечно, стремится каждый артист. Вопрос в том, всем ли нам и всегда ли это удается по ряду причин. Я с огромным удовольствием, например, играл в фильме Э. Лотяну «Мой ласковый и нежный зверь» пьяницу-сластолюбца графа Карнеева (за что некоторые зрители меня порицали). В недавно снятой режиссером И. Шешуковым картине «Преферанс по пятницам» мне артисту интересно было показать отъявленного негодяя, одного из главарей шайки мошенников. Но не хотелось просто взять и пригвоздить его: вот он, мерзавец! Я для себя старался понять, что это за человек, представить, каким он был в молодости и, главное, почему стал таким. Чем сложнее рождается вывод, тем роль бывает артисту дорожке. И, главное, тем она удачнее...

— Хотелось бы от персонажей отрицательных все-таки перейти к положительным, не «каменно-застывшим», как вы их назвали, а «живым» актерским созданиям. Что же, по вашему, стоит за этим определением — положительный герой?

— Мне кажется, главные черты его характера, его личности диктуются тем, что происходит в жизни. Положительный герой в лучших свершениях на сцене и на экране всегда соответствовал героям своего времени. Потому и становился так горячо, искренне любимым зрителями. Ошибочно, по-моему, ожидать, чтобы сейчас появился еще один «Парень из нашего города» или Павка Корчагин. Каждый из них — достойнейший представитель именно тех лет, когда они создавались, той прекрасной поры, мужественной и романтической.

Когда говорят и даже требуют: «Где наши новые Павлы Корчагины!», тут все не так просто. Сейчас они — другие. С такой же верой в правое дело, но другие. Помните, были годы, когда в кино пришли такие герои, как Ниточкин и Губанов-младший из раймановского фильма «Твой современник». Но и они, мне кажется, уже «вчерашние». А теперь, спустя годы... Может быть, сейчас и есть то самое время ожидания нового человека, который будет олицетворять наши надежды, наши поиски истинного героя конца XX века.

Он входит в свою гримуборную по окончании спектакля, в котором около четырех часов подряд «жил жизнью» городничего Сквозник-Дмухановского из неумирающей гоголевской комедии «Ревизор». Эту роль народный артист СССР Кирилл Лавров играет с присущей ему личностью значительностью. Но вот действие окончено. Можно расслабиться, отдышаться. А тут предстает разговор, и на тему дней вовсе не давно прошедших, а сегодняшних.

Если говорить о моих киноработах, думаю начать здесь надо с фильма В. Трегубовича «Магистраль», в котором мой герой — начальник управления железной дороги. В повествование этой картины, можно сказать, в каждый кадр врывается жизнь с ее крайне острыми, незамаскированными проблемами. Мне кажется, в этой картине состоялось полнейшее взаимопроникновение кинематографа и сегодняшней действительности.

Фильм, казалось, — только о заботах и проблемах железной дороги, но за этим просматриваются многие стороны нашей действительности. Герой — человек, который честно относится к своему делу, внутренне переживает часто несправедливые претензии. Потому-то доверенный ему участок дороги, как и весь наш железнодорожный транспорт, теснейшим образом связан с общей системой хозяйствования. Тем интереснее было мне играть человека, крупного руководителя, находящегося в самом центре сложных взаимосвязей и взаимоотношений.

— Вы хотите сказать, что герои рождаются не в кино, не в театре, их порождает сама жизнь?..

— Вот именно! Наш век НТР, сверхзвуковых скоростей и удивительных свершений не может не сказаться на человеческих характерах. Стопроцентная увлеченность своим делом, стопроцентная отдача ему — это мы часто наблюдаем в людях нашего общества. Но, честно скажу, для меня этого мало. Я близко знаком с прекрасными руководителями производства, инженерами, да что там, людьми самых разных специальностей. Вижу их серьезное отношение к своей работе. Очень часто их жизнь идет по точно выверенной логике поступков, действий. Но... в некоторых из них мне порой недостает душевности, духовной, что ли, глубины, это же я могу сказать и о некоторых из тех, кто ходит по нашим с вами улицам, кто приходит в Академический Большой драматический театр, где играем мы с моими коллегами, или в залы кинотеатров.

Хотелось бы, чтобы наряду с присущей нашему времени приверженностью к сухому рационализму в людях было больше душевной тонкости, так я бы это определил. Чтобы в каждом из нас в постоянной спешке, в светлой повседневности не пропадала тонкость восприятия, способность к состраданию, сопереживанию, когда «...над вымыслом слезами обольюсь...». Мне кажется, это очень важно. И совсем не противоречит мужеству человека, который, к примеру, строит БАМ или работает на КамАЗе. Нет, это просто дополняет, обогащает его характер. Думаю, надо, чтобы не забывалось: компьютер — одно, а человек — это же

совсем другое!.. И мера человеческого совершенствования беспредельна.

— Может, именно поэтому повысились требования зрителя к артисту, к его чисто человеческим качествам, к тому, каков он без грима и без «надетой на себя» роли?

— Крупный план в кино, а в особенности, пожалуй, «рентгеновое высвечивание» телеэкрана часто обнажает что-то глубинное в актере, раскрывает, что у него за душой. И куда от этого не скроешься, не спрячешься. Говорят, чувство нельзя показывать, его надо иметь. Это же можно сказать и об уме, об интеллекте человека вообще, артиста в частности. Сегодняшний артист просто должен многое знать, понимать процессы, которые происходят в обществе, распознавать движения человеческой души. Без этого он не артист. А значит, приходится все время, как говорится, «работать над собой».

Вот я пока еще не прочел, только еще просматривал книгу, написанную о Елене Образцовой, одной из лучших певиц мирового оперного искусства. В книге рассказывается о ее напряженной, просто, казалось бы, непосильной творческой загруженности. О том, что она привыкла жить с превышением всех своих сил. Мне повезло быть знакомым с Еленой Васильевной. И каждый раз, когда приходится ее видеть, она поражает тем, как интересно с ней говорить, как много она знает. И еще — своей деликатностью, что, как известно, один из признаков интеллигентности.

— Уже не раз, а точнее, много-много раз говорилось о значении театра в жизни артиста, который играет и на сцене, и на экране. Хотелось бы спросить вас, а что (естественно, кроме огромной популярности) дает артисту именно кино?

— Учит его профессионализму. Умению самостоятельно работать над ролью, так как в кино актер в большей или меньшей степени предоставлен сам себе. Это, в свою очередь, приучает к самостоятельности. Я уже не говорю о том, что в кино ты привыкаешь работать в самых невыносимых условиях, и это тоже на пользу. Кино учит мастерству, ремеслу. Досконально знать свое ремесло — это ведь очень важная сторона процесса творческого.

А кроме того, в кино, как известно, нет расстояния между сценой и зрительным залом. Мы — лицом к лицу. А отсюда, как уже говорилось, обязательное повышение требовательности к своему душевному запасу.

Все это плюсы, которые порождает работа в кино. А есть и минусы. Тот самый шлейф, который тянется за артистом, часто появляющимся на кино- и телеэкранах нездоровый интерес к его личной жизни. Понимаю, что это следствие популярности. Пусть так. Но приятя этого не могу. И не хочу.

— Еще один вопрос, как бы в продолжение того, о чем уже говорилось. Что вы понимаете под словами: уметь учиться у жизни?

— Не знаю, как на это ответить. Скажу не вообще, а о себе лично. Жизнь всякий раз приносит сумму необходимых мне, артисту, наблюдений. Я не люблю, да, пожалуй, и не очень умею копировать какого-то определенного человека. Каждый раз стараюсь выдумать своего героя, предсказать, показать его с помощью собственной фантазии. Но пользуюсь я ощущениями, которые то и дело «подкидывает» жизнь. Признаться, и моя общественная работа во многом помогает, расширяет круг наблюдений, прибавляет жизненный опыт, хотя, конечно, отнимает уйма времени. Почетная обязанность — быть депутатом Верховного Совета СССР. И — огромная ответственность. Это ведь не только депутатский прием один раз в месяц. Тут требуется большая работа от приема до приема. Скольких людей видишь — и тех, кто к тебе обращается, и тех, к кому по их делу, в свою очередь, обращаешься ты. Вот и происходит то самое, о чем мы говорим: жизнь, она тебя постоянно учит.

То же могу сказать и о своей работе председателя Ленинградского отделения Всесоюзного театрального общества. И здесь вереница дел, за которыми стоят люди. Для детей артистов мы строим пионерский лагерь. Для самих артистов поликлинику только что построили, которой можем гордиться. Собираемся реконструировать Дом творчества в Комарово. Это дела практические, все больше строительные. О сугубо профессиональных, творческих вопросах, которых не счастье, я уж и не говорю.

Так что старайся, извлекай уроки. А жизнь, как многоопытный учитель, будет подбрасывать тебе все новые и новые задачки.

— И совсем последний вопрос: что такое актерское счастье?

— По-моему, счастье — это ощущение того, что ты нужен. Это когда у тебя есть что играть. И еще. Счастье — иметь в так называемом послужном списке хотя бы одну-две роли, которые и спустя годы остаются в памяти людей.

Беседу вел
Евгения КАБАЛКИНА.
Фото Е. Халдеа.